

Содержание

Предисловие	7
<i>Казанский текст</i>	11
<i>Штормовые элегии</i>	
первая штормовая	23
вторая штормовая	24
третья штормовая	26
<i>Осень</i>	
1 (Алые травы слегли, истощившись за лето...)	31
2 (В день приезда мы шли мимо конюшни...)	32
3 (Пижма чернеет в траве...)	33
<i>Карельские линии</i>	
Первая лицевая	37
Вторая лицевая	38
<i>Время тяжелее печали</i>	
Когда не пишу вижу тревожные сны	43
Мне приснилось стихотворение	46
<i>О чем я думаю</i>	
О чем я думаю в ванной по утрам	53
О чем я думаю, пока курю первую сигарету	56
О чем я думаю по дороге на тренировку.	59
О чем я думаю по дороге в магазин	63
О чем я думаю, когда по утрам смотрю в окно	68

Книга Гуро

Затмение	75
Жестокая нелепость	81
Пепелище	86
Не бывает черной тени	88
Тяготы материнства	90
Дева Мария отвечает «да будет»	93
Список книг, которые Гуро написала на облаках	95
Цитатник к «Книге Гуро»	104

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад я листала альбом русского искусства и наткнулась на зеленый прямоугольник, который оказался маленькой репродукцией картины под названием *Подлесок*. На картине не было деревьев, ритм задавали путаница ветвей безымянного кустарника и высокая трава.

Эта картина была похожа на неловкий снимок, который делает человек, настраивая фотоаппарат. Или на снимок, который, несмотря на желание фотографирующего запечатлеть что-то особенное, оказывается пустым. Каждый знает этот эффект — мы видим потрясающую картину, например, закат. Наводим на небо камеру смартфона и уже заранее видим, что она не в силах передать ни цвет, ни свет увиденного нами. Обычно такие фотографии приносят разочарование. Но при этом помогают сохранить момент в памяти. Я убеждена: за любым неудачным снимком стоит невымываемое впечатление.

Я забыла сфотографировать картину, а имени художника не запомнила. Спустя время я попросила владелицу альбома пролистать его и найти копию *Подлеска*. Но владелица написала, что такой картины в альбоме нет, она просмотрела его несколько раз и не нашла.

—

Последние пять лет я редко писала стихи. *Письмо в строчку* занимало меня полностью и не оставляло места для поэтических текстов. Но, как только я заканчивала книгу и выдыхала, мне хотелось вернуться к стихотворениям.

До того как я начала писать прозу, я была одержима идеей, что стихотворение не имеет права на ошибку

и обязано прибавлять смысл к тому, что мной уже было написано. Если мне казалось, что текст, который я задумала, ничем не обогащал мои предыдущие, я не позволяла себе писать. Я накручивала, пытала себя, жгла вопросами, боялась оступиться (относительно чего?).

Проза научила меня покою. Первое время я даже немного стеснялась, что раньше была так озабочена приращением смысла. Теперь я думаю: эта установка при всей своей садистичности научила меня какой-никакой дисциплине. Я бы даже сказала — строгости. Это вполне себе полезное качество. Но установленный мною фильтр пропустил не так много текстов. У меня, в самом деле, очень мало стихотворений и поэм. Я даже иногда спрашиваю себя: а сколько нужно написать стихотворений, чтобы можно было сказать, что я поэтесса? Может быть, я всем вру?

—

Скорее всего, зеленый прямоугольник из моего воспоминания не имеет ничего общего с исходником, в этом причина исчезновения *Подлеска* из каталога. Может быть, это был вовсе не *Подлесок*, а, например, *Пролесок*, наконец, *Лесок*. Но я отчетливо помню, что эта картина не была этюдом, тренировочным рисунком, заготовкой для будущего полотна. И это не мешало художнику отказаться от того, что принято ждать от пейзажа, — выразительных планов, перспективы, линии горизонта. Вот что я помню: непримечательные деревца и высокая трава выполнены в близких тонах, поэтому подлесок с первого взгляда кажется небрежно покрашенным холстом.

Когда я думаю о литературе, то сразу вспоминаю о художнике, авторе *Пролеска*; он не писал неба над кронами сосен, не искал выгодного угла падения света: на картине *Подлесок*, кроме подлеска, не было ничего.

В последнее время я стала чувствовать родство с этим художником, даже считать его своим учителем. Мне он как будто говорит: конституция подростка может стать принципом твоего письма. Подросток питает лес, хранит подстилку, дает прохладу грибам и бережет почву от размыва. Именно так я вижу свою литературную работу. Я учусь писать у подростка.

Вы держите в руках книгу моих стихотворений, написанных за последние четыре года. Я писала их в перерывах между книгами прозы. И, работая над этими текстами, я размышляла о том, как писать подросток. Если вы будете читать стихотворения с первого до последнего, вы заметите, как менялось письмо. Убедитесь, что эта трансформация не была линейной. Поэтому в этой книге вы увидите рытвины, петли и тупики. Если учишься писать у подростка — не бойся застревать и плутать.

Казанский текст

Сохранилось видео, снятое на мой первый айфон

Тетя Маша, на деле не тетя, а сестра деда Романа,
моя двоюродная бабушка,
в розовом халате с выцветшими
леопардовыми пятнами варит рисовую кашу,
на старой газете лежат два кирпичика белого хлеба

Она варит кашу как полагается:
молоко закипает, и в чугунном котелке каша
томится вся в желтых масляных пятнах

Слышно сливочный запах,
Слышно, шкворчит сало на сковороде,
будет суп

На деле сестра не деда Романа, а деда Рафика.
Рафика для удобства звали Романом.
Его жена, бабушка Валентина, говорила:
по-русски Рафик — это Роман,
по аналогии с водой, вода на татарском — су.
Прозрачная жидкость с химической формулой H_2O

На деле не Маша, а Миннегель. Маша по-русски,
Миннегель по-татарски.
На видео Миннегель стоит в солнечном дне
как в янтарном осколке.
На голове у нее белый аккуратный тюрбан,
похожий на плетеную булку,
под тюрбаном спрятаны длинные по колено волосы.
Говорит: соседка на днях похвалила, и они полезли
клоками.
Коричневые сухие руки перебирают чистые чашки.

Глаза еще черные, как мокрый каштан, но уже не видят,
что на блюде осталось несколько хлебных крошек,
темно-зеленая укропная травка

Миннегель в солнечном утре гремит посудой
и говорит: муж бесполезен, только и делает что ест
да храпит,
но в жизни он нужен любой женщине

На вопрос *зачем* отвечает: чтобы в старости было
с кем поругаться

Я смеюсь на ее слова,
она тоже смеется и грозит мне пальцем.
Я смеюсь от напряжения и одновременно ощущаю
томленье от ее близости здесь,
в этой душной кухне

Тело Миннегель крепкое, как у поджарой собаки.
Она страдает гипертонией, но поднимается в пять
утра,
чтобы в Ялте продать клубнику и молодой инжир

Острые груди в конусовидных чашках бюстгальтера
поднимаются при вдохе.
Грушевидное туловище —
все это живое и кажется вечным,
очень опрятным.
Она по-девичьи смущенно заправляет указательным
пальцем прядку волос под тюрбан.
Яркие глаза наливаются влагой.
Ей приятно получить от меня букет хризантем,
она кокетничает, освобождая цветы от хрусткой
бумаги